

Народный артист России Лев Константинович Дуров — человек очень известный. Множество ролей сыграно им в театре и кино, немало поставлено спектаклей. А еще он — заботливый дедушка, который души не чаёт в своей Катеньке.

Наталья ЮНГВАЛЬД-ХИЛЬКЕВИЧ

— У вас есть любимые роли, Лев Константинович?

— Из любимых могу назвать штабс-капитана Снегирева из «Брата Алеши» по «Карамазовым» Достоевского. Эту роль когда-то играл Иван Москвин. Он играл последнюю стадию раздвоенности. Я играл протест против этого. В роли Снегирева мне удавалось, может быть, то, что не каждому дано. На этом спектакле я терял два — два с половиной килограмма веса. А вообще-то, когда работаешь над новым спектаклем, любая роль кажется любимой. Если я смотрю какую-нибудь постановку, в которой участвуют мои коллеги, и при этом думаю: «Я так могу» — мне становится неинтересно. Но если я думаю: «Черт возьми, как это здорово!», тогда и самому хочется сделать что-то особенное. Официально я режиссер Театра на Малой Бронной. Но актерское существо во мне сильнее. Однажды шел мне навстречу по коридору Анатолий Васильевич Эфрос и вдруг так сердито говорит: «Вот мог стать Москвиным, мог, но полез в режиссуру — и не стал». Так что Москвиным я не стал.

— Но стали Львом Дуровым. Раз мы заговорили о театре, скажите, вы приверженец актерской школы переживания или «школы представления»?

— Настоящий театр — смешение переживания, и представления. Можно «переживать», а спектакль не будет иметь никакой театральной формы, никакого жанра, и это никому не будет нужно. Или «представлять» без той же формы. Театр находится над ситуацией. Поэтому я люблю Достоевского: он — надреалистический. Я люблю психологически точные разбор и театральную игру. Считаю, что я пахарь на сцене, работаю честно. Я владею своей профессией. А рваться на пьедестал и выбирать себе камушек не стану... В России было множество великих актеров, а остались они только в памяти актерской — зрители их практически не помнят. И Мочалова, и Каратыгина, и мхатовскую плеяду, и Малый театр...

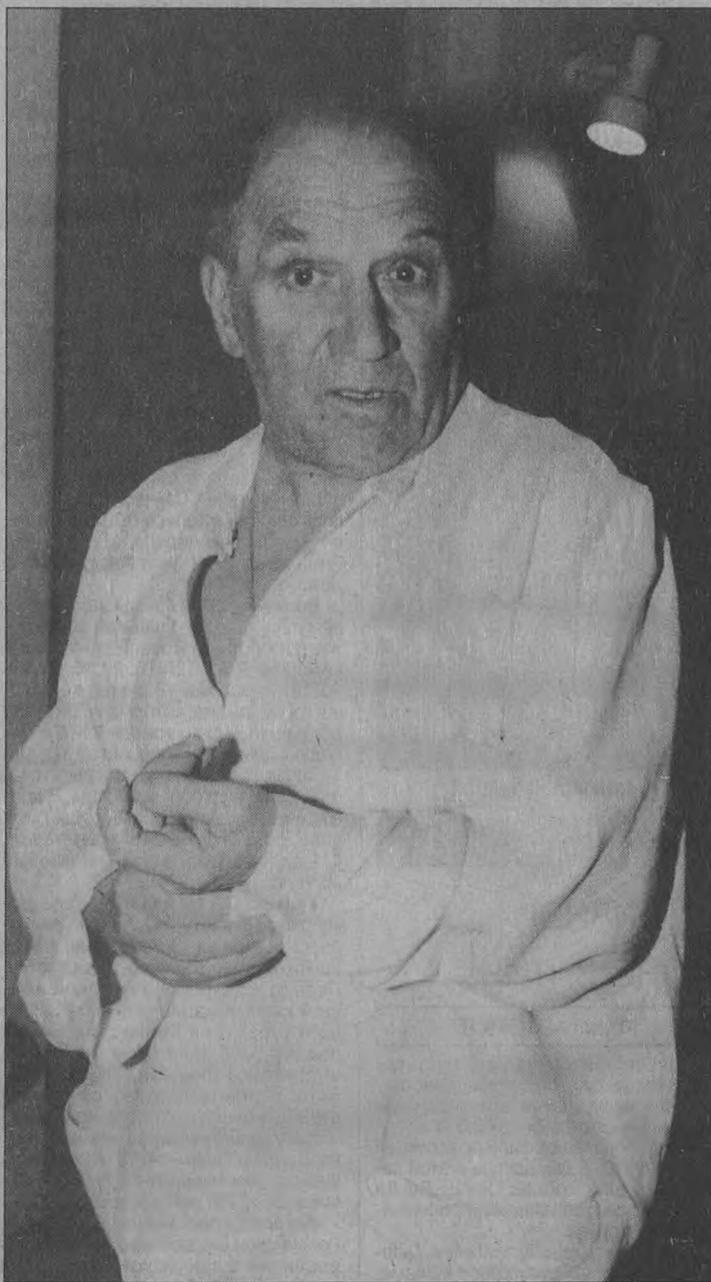
— Я понимаю, что духовную подпитку вам дает театр. Но тем не менее именно благодаря кино вы стали известны массовому зрителю.

— Театр популярности вообще не дает. Однажды МХАТ приехал на гастроли. Там были все известные ак-

Лев ДУРОВ:

Вез. Москва. — 1999. — 25 стр. — с. 5.

Рваться на пьедестал я не стану

Наталья ЛОГИНОВА

— Может ли сегодня появиться фильм, который будут смотреть «запоём» все, как это было с «Семнадцатю мгновениями весны»?

— Это великая обманка. Я не смотрю сериалы. Мне это смешно. Но как можно не уважать мнение зрителей? У меня есть знакомая пожилая женщина, работавшая проводницей. Деревенская тетка, она забывала о том, что я актер, и начинала пересказывать мне индийские фильмы. Рассказывая, плакала над судьбами героев. И я плакал вместе с ней. Я не мог оскорбить ее, сказав, что это полная чушь и никакого отношения к искусству не имеет.

— Значит, у вас отношение к «Семнадцати мгновениям весны» такое же, как к «мыльным операм»?

— Нет, это не так. Тогда впервые был проведен какой-то более или менее серьезный анализ. Но это же сказка. Штирлица можно было брать в первый же день. Он типичный дисциплинированный советский партийный человек.

— Ну а как вы оцениваете свой персонаж?

— Что-то все меня за него хвалит. Недавно после очередного показа фильма кто-то из знакомых позвонил по телефону и пошутил: «Дуров, в этот раз ты играл гораздо лучше». Сначала я хотел отказаться от роли Клауса. Думаю: зачем такого мерзавца играть? А потом стал размышлять. Что же такое провокатор вообще? Провоцировать человека на откровение и отправлять его на тот свет — что в этом кроется? И решил, что такое могут делать только ущербные люди. Они мстят человечеству за свою несостоятельность. Пастор задает Клаусу такой вопрос: «А вы не пробовали писать?». В сценарии был ответ: «Нет». Я же делал большую паузу. И по ней можно было понять, что пробовал, но таланта не хватило. Иногда актер ходит недовольный и отправляет всем жизнь. Он считает, что ему недодано, недоплачено. Не понимает, что надо найти свое счастливое место и играть пусть маленькие роли, но так, чтобы исполни-

тель главной думал: «Этот эпизод я так не сыграю».

— То есть во всем ищите глубинный смысл?

— Конечно!

— А вы христианин?

— Я крещеный. В Храм хожу, чтобы очиститься самому, посмотреть на лики. Церковь примиряет всех. У меня внучка Катя учится в гуманитарном институте, пошла на факультет религиоведения. Я спросил: почему? Она ответила, что ей интересно изучение древних языков.

— Расскажите о своей семье, о корнях.

— Свои корни я знаю. Наш род впервые упоминается в 1540 году. Это был Кольванский поход. В нем участвовал Афанасий Дуров — полковник, один из восьми стольников Петра. Мне лично это дает многое. Корни — это память... У нас в семье не принято заставлять учиться, пропихивать, проталкивать. Я в школе ужасно учился и помню случаи, когда вызвали отца и говорят: «Мы вашего сына исключаем». Он говорит: «Исключайте». «Но как же? — удивлялись учителя. — Вы же отец». «Он достоин, чтобы его исключили? Тогда исключайте, а дома я с ним сам разберусь». У меня был уникальный отец! Он ни разу в жизни не выругался, не пил, не курил. В отличие от меня. Он был мирным взрывником — рвал пни, взрывал туннели. Если вы спросите в нашем театре об отношении моих коллег к моей дочери, которая тоже актриса и работает в Театре современной драмы, вам ответят, что к ней относятся гораздо лучше, чем ко мне.

— Актерское искусство нельзя сохранить, как полотно художника. Не обидно?

— Спектакль умирает каждый день. И следующий не такой, как вчера. Потому что зритель другой, он будет воспринимать спектакль иначе. Спектакль — не то, что на сцене, и не то, что в зрительном зале. Это то, что между. Нужно делать свое дело и получать удовольствие. Может быть, Дурова забудут после его смерти через три дня. Ну и что? Я честно проживаю свою жизнь.

теры — и Тарасова, и Яншин, и Ливанов, и Массальский. А толпа ревели: «Леня Харитонов!». Так люди хотели увидеть ныне покойного мо-

его однокурсника. Он сыграл тогда солдата Ивана Бровкина в кино. И великие театральные старики терпели и не обижались.